

DZANOVA Larisa Hasanovna, *Dr.Sci.(Pol.Sci.)*, Professor of the Chair of Philosophy and Social and Political Sciences, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (44-46 Vatutina St, Vladikavkaz, North Ossetia – Alania, Russia, 362025; ldzahova@mail.ru)

BADOVA Leila Asahmetovna, *postgraduate student at the Chair of Philosophy and Social and Political Sciences*, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (44-46 Vatutina St, Vladikavkaz, North Ossetia – Alania, Russia, 362025)

GENERATIONS RELAY RACE IN ELITOLOGICAL DIMENSION

Abstract. The article analyzes the generation theory presented in the works of a number of Western scholars, such as K. Mannheim, S. Lipset, L. Feuer, J. Mandel, N. Howe and W. Strauss. It reveals a significant role of generational markers, which according to the authors is a tool to identify cycles of generational change of elites.

Keywords: change of elites, conflict between generations, intergenerational continuity, generational markers, generations theory, electorate, inter-elite interactions

СИКЕВИЧ Зинаида Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; sikevich@mail.ru)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ И ЧЕЧЕНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье обосновывается тезис, что историческая память – один из доминирующих признаков национальной консолидации. Ядром этнической самоидентификации чеченцев является религия (ислам), в то время как идентичность петербуржцев опирается примерно в равной степени на этническую и территориальную принадлежность. Понятие «родная земля» примерно в равной мере консолидирует и чеченцев, и петербуржцев. Этот факт свидетельствует о влиянии географического детерминизма на групповое сознание. Для участников опроса в обоих городах ядром исторического процесса являются победоносные войны. История воспринимается ими прежде всего как политический процесс. У большинства жителей Грозного чеченский конфликт 1990-х гг. вызывает негативные эмоции. Возрождение Чечни после завершения конфликта, ее возвращение в общероссийский контекст политической жизни оценивается положительно всеми без исключения респондентами.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая консолидация, историческая память, историческое представление, историческое событие, чувство гордости, чувство стыда, национальная специфика содержания исторической памяти, респондент, метод контент-анализа

В современном обществе историческая память в большей мере, чем культурная традиция, представляет собой своего рода стержень этнической идентичности, а ее эмоциональное воздействие на позитивный или негативный заряд этой идентичности во многом зависит от тех исторических образов, которые закрепляются в групповом сознании каждого последующего поколения [Гриффин 2010; Блумер 1994; Хальбвакс 2005].

Сегодня, на наш взгляд, именно история выполняет своего рода защитную

функцию, не только сохраняющую позитивную этническую идентичность на групповом уровне, но и способствующую формированию гражданского самосознания.

Не случайно поэтому, что постсоветские государства уделяют столь пристальное внимание национальной истории, особенно тем ее образам, которые транслируются со страниц школьных учебников [Сикевич 2014: 124]. Не меньшее значение придается формированию исторического сознания и в национальных республиках Российской Федерации, причем наряду с общероссийским компонентом в процессе освоения исторических знаний в самой исторической памяти не может не присутствовать «местный колорит».

Сложность преподнесения истории в отдельных российских регионах состоит в том, что в силу исторических перипетий формирования Российского государства одни и те же исторические события и личности не могут не преподноситься и интерпретироваться по-разному. Не вызывает сомнения, что, к примеру, в Татарстане взятие Казани войсками Ивана Грозного воспринимается не так, как в российских регионах. В одном случае — как победа русского оружия и освобождение от золотоордынской зависимости, в другом — как поражение и потеря независимости. Для русских генерал Ермолов — герой войны 1812 г., а для чеченцев — «покоритель» Кавказа, запомнившийся своей жестокостью по отношению к «дикарям». Конечно, школьный учебник истории России может дипломатично лавировать между полярными интерпретациями, но, кроме учебника, историческое сознание формирует еще и семья, социальная среда в целом, коллективная память народа.

Мы попытались сопоставить «образ» национальной истории в представлениях петербуржцев русской национальности и чеченцев — жителей Грозного, гипотетически предполагая, что этот образ будет различен, несмотря на «согражданство» жителей обоих городов.

Исследование в Санкт-Петербурге, результаты которого уже были частично опубликованы [Сикевич 2016а; Сикевич 2016б], проводилось в 2013–2014 гг. лабораторией этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ под руководством автора статьи ($N = 458$ чел., выборка квотная по полу и возрасту).

Опрос в Грозном проводился зимой 2015–2016 гг. под руководством кандидата социологических наук доцента Мусы Юсупова ($N = 220$ чел., выборка квотная).

О декларируемой идентичности петербуржцев и жителей Грозного позволяет судить ранжирование их членства в отдельных социальных общностях (см. табл. 1).

Таблица 1

Ранжирование принадлежности к социальным общностям (сравнение)

Социальные общности	Ранг в СПб	Социальные общности	Ранг в Грозном
Русский	1,8	Мусульманин	1,5
Петербуржец	2,2	Чеченец	2,1
Гражданин России	3,6	<i>Член тейпа</i>	3,9
Православный	3,9	Гражданин России	4,4
<i>Славянин</i>	4,0	Житель Грозного	4,5
<i>Европеец</i>	5,0	<i>Кавказец</i>	4,5

Примечание. Членство в несопоставимых общностях представлено курсивом.

Из данных таблицы видно, что образы «я» русского и чеченца заметно различа-

ются. Если у петербуржцев в известном смысле конкурируют этническая и территориальная составляющая (в исследовании 2011 г. петербургская идентичность даже слегка превышала этническую – 1,9 и 2,1 соответственно), то для чеченцев ведущим признаком самоидентификации оказывается конфессиональная принадлежность, заметно доминирующая даже над этническим самоопределением. Территориальная идентичность для грозненской выборки незначительна, невысок ранг и тейпового членства, что косвенно позволяет судить о формировании единого чеченского самосознания и преодолении традиционной родовой «привязки».

Гражданская идентичность для обеих выборок, но особенно для чеченской, явно «отстает» от этнической, что подтверждается (для Петербурга) данными наших предыдущих исследований.

Важным признаком этнического самосознания являются консолидирующие признаки идентичности – иными словами, те не в полной мере осознаваемые опоры, которые цементируют общность и позволяют говорить о групповой самоидентификации.

При такой постановке вопроса религия для чеченцев является основой консолидации, что подтверждает особую значимость ислама для самоидентификации этого народа. Несомненное сходство между представлениями обеих групп обнаруживается по признаку «родная земля», который оказывается в ряду основ консолидации и чеченцев, и петербуржцев. Судя по данным наших исследований, полученных в ходе социально-психологического эксперимента, «Россия» и «Родина» ассоциируются у петербуржцев в первую очередь именно с «землей», «пространством», «территорией».

По-видимому, географический детерминизм, несмотря на негативное отношение научной среды к этой якобы устаревшей теории, в массовом сознании сохраняет свои позиции, причем, как мы видим, у таких различных по менталитету и культурной традиции сообществ, как чеченцы и русские по национальности петербуржцы. Причем на «вес» этого признака не влияет даже степень ценностной модернизации: в петербургской выборке преобладали лица с высшим и незаконченным высшим образованием.

Представление грозненских респондентов о ранге отдельных признаков в «русской» консолидации в целом не совпадает с мнением самих русских. Так, наибольшее расхождение обнаруживается по признакам «образ жизни» и «государство», причем это расхождение носит зеркальный характер. Доминирующее место «государства» (ранг 3,1) в представлении чеченцев о русских в их «автопортрете» занимает «образ жизни», причем с тем же числовым выражением (3,1). Можно предположить, что в восприятии чеченцев Россия – это «русское государство», несмотря на официальное название «Российская Федерация», и поэтому они полагают, что этническая идентичность русских должна совпадать с гражданской. Однако сами русские не разделяют это мнение, не считая себя государствообразующим народом, что, кстати, соответствует Конституции РФ. Значительно больше их объединяет «образ жизни», т.е. определенные неинституциональные нормы, которым принято следовать как в частной жизни, так и в социальном поведении. Иными словами, для русских важнее оказывается не макро-, а микроуровень взаимодействия, который отражает ментальное, психологическое своеобразие общности.

По мнению чеченцев, история значительно важнее для консолидации русских, чем чеченцев. По-видимому, это объясняется тем, что в массовом сознании история – это прошлое государства, а не народа, и, следовательно, в нашей стране – это «русская», а не «чеченская» история (для чеченцев ранг составил 5,2; для русских – 3,7).

Обратимся к основным вехам и фактам коллективной исторической памяти, которые позволил обнаружить опрос в Петербурге и Грозном.

Вопросы открытого типа формулировались следующим образом: «Какие события в истории России вызывают лично у Вас чувство гордости, а какие — чувство стыда или сожаления за то, что они произошли?» В обоих случаях предлагалось назвать первых три события, которые приходят в голову.

Ответы в Петербурге и в Чечне оказались в чем-то схожими и в чем-то различными, что вполне естественно, учитывая непростой путь интеграции чеченцев и Чечни в российскую государственность как в XIX, так и в XX вв. Между обеими группами участников опроса особенно заметно различие по событиям, вызывающим чувство гордости.

Петербургская выборка. Наиболее положительные эмоции здесь вызывает советская эпоха: в ряду положительных ассоциаций — Великая Отечественная война или ее отдельные события, в частности Сталинградская битва, битва на Курской дуге и взятие Берлина. Особое место в памяти занимает блокада, что вполне естественно, учитывая место проведения опроса. Каждый второй респондент вспомнил полет Юрия Гагарина (первый спутник, освоение космоса).

В числе событий положительного ряда фигурируют практически все войны, которые вела Россия на протяжении своей многовековой истории — от Куликовской битвы и Ледового побоища до войны с Наполеоном 1812 г.

Невоенные успехи Российского государства в памяти единичны и вспоминаются значительно реже (Новгородская республика, отмена крепостного права, открытие Эрмитажа, деятельность Столыпина).

Наиболее отрицательные чувства вызывают сталинские репрессии, но показательно то, что примерно каждый пятый из числа тех, кто считает репрессии самым негативным событием российской истории, одновременно положительно оценивает личность Сталина как самого выдающегося деятеля нашей истории. Иными словами, для некоторых людей, прежде всего молодых, Сталин существует как бы вне негативного контекста своей деятельности. Что касается Новейшей истории, то наибольшее сожаление все еще вызывает распад СССР, а также война в Афганистане.

Впервые отрицательную оценку получила перестройка, причем возрастной фактор оказался несущественным, т.е. среди ее условных «противников» примерно в равной мере представлены и молодые, и пожилые участники опроса.

Чеченская выборка. Исторический ряд событий, составленный участниками опроса в Грозном, можно условно разделить на события общероссийской и национальной истории.

В дореволюционный период в исторической памяти опрошенных чеченцев доминирует общероссийское прошлое. Исключение составляет Первая кавказская война и ее отдельные события, известные только жителям Чечни и оцениваемые как положительно, так и отрицательно.

Так, в частности, чувство гордости вызывают восстание шейха Мансура (исламский проповедник [1760–1794], первый имам Северного Кавказа, руководитель национально-освободительного движения 1765–1791 гг., умер в Шлиссельбургской крепости). Вспоминаются и история Зелимхана (знаменитый абрек, сотрудничал с анархистами в годы Первой русской революции, убит в 1913 г.), подвиги Байсонгура Беноевского (наиб Шамиля [1794–1861], потерявший в бою глаз и руку, попавший в плен и освобожденный мюридами. После пленения Шамиля в 1860 г. поднял новое восстание, через год был схвачен и повешен). Исключительно негативные эмоции вызывает казнь Б. Беноевского, падение имамата, сдача в плен и предательство имама Шамиля.

Первая мировая война ассоциируется в исторической памяти чеченцев прежде

всего с победами Дикой дивизии (июль 1914 г. — сентябрь 1917 г.), состоявшей из добровольцев, которые жили военной добычей.

Примечательно, что ни Первую кавказскую войну, которую Россию вела на Северном Кавказе более 40 лет, ни участие в Первой мировой войне Дикой дивизии не вспомнил ни один петербуржец, хотя это события не только чеченской, но и общенациональной истории, однако они не «задержались» в исторических представлениях русских респондентов.

Этот факт наглядно свидетельствует не только о различиях в исторической памяти представителей разных народов России, но и о национальной специфике трактовки прошлого. Так, в соответствии с нормами обычного права горцев сдача в плен Шамиля постыдна, в то время как храбрость искалеченного Байсонгура и даже его трагическая смерть на виселице приобретают героический ореол национального мифа.

В советскую и постсоветскую эпоху у респондентов в Грозном доминируют события собственной истории. Даже Великая Отечественная война, занимающая важное место в исторических ассоциациях этого периода, вспоминается сквозь призму включенности собственного народа в события той войны. Так, в частности, говорится об участии чеченцев в защите Брестской крепости. В памяти многих — подвиг Ханпаши Нурадипова, Героя Советского Союза, командира пулеметного взвода, погибшего во время Сталинградской битвы, и встреча на Эльбе с американским генералом Героя Советского Союза Мовлади Висаитова, который первым из советских офицеров пожал руку союзнику по антигитлеровской коалиции.

Однако центральное место в советской истории для чеченцев занимает депортация и последующая реабилитация чеченского народа. Чувство гордости вызывает стойкость и уважение к старшим, сохранившиеся в изгнании. Противоположные эмоции возникают у респондентов в связи с обвинениями чеченцев в предательстве, «издевательствами» над ними, с клеветой на «наш народ». Некоторые участники опроса считают, что в этот период произошла «потеря национальной гордости» и «деградация».

Ядром Новейшей истории для чеченской выборки как в положительном, так и в отрицательном контексте является чеченский конфликт и его последствия.

Так, чувство стыда вызывают, в частности, военные действия Джохара Дудаева, в целом его правление, гибель молодых (вариант — невинных) людей, продажа людей и оружия, разрушение Грозного, вторжение Басаева в Дагестан, теракты в Буденновске и в Беслане, ваххабитское движение.

Положительные эмоции возникают в связи с окончанием чеченской войны, отменой КТО, возрождением чеченского народа и восстановлением его государственности в составе РФ, возвращение к мирной жизни. Центральными фигурами этого периода являются отец и сын Кадыровы.

Таким образом, интерпретация событий, связанных с чеченским конфликтом, в целом соответствуют общероссийской трактовке.

Сравним модальные события, вызывающие чувство гордости и чувство стыда у петербургской и чеченской выборки (см. табл. 2 и 3).

Как мы видим, к модальным событиям общенациональной истории у чеченцев причислены четыре (кроме Великой Отечественной войны и завоевания космоса, о которых уже говорилось, — война 1812 г. и присоединение Крыма), к событиям национальной истории — семь.

Подобно историческому ряду событий, вызывающих чувство гордости, и в отрицательных коннотациях между обеими выборками обнаруживается как сходство, так и различие.

Так, сталинские репрессии модальны и для петербуржцев, и для чеченцев.

Таблица 2

Модальные события, вызывающие чувство гордости (5% и более)

Петербургская выборка	%	Чеченская выборка	%
ВОВ и ее события	66,1	ВОВ и ее события	56,8
Завоевание космоса и полет Гагарина	26,2	Возрождение чеченской государственности и народа, Принятие Конституции ЧР	20,0
Правление Петра I и его реформы	10,4	Завоевание космоса (Гагарин, Терешкова)	19,1
Блокада Ленинграда	9,2	Окончание контртеррористической операции в Чечне	14,5
Война 1812 года	8,5	Первая кавказская война и ее события	10,4
Возвращение Крыма	8,1	Война 1812 года	8,6
Основание Санкт-Петербурга	5,2	Присоединение Крыма	7,3
Олимпиада в Сочи	5,2	Реабилитация чеченцев	6,8
Крещение Руси	5,0	Чеченская война (война за независимость)	5,4
Отмена крепостного права	5,0	Выборы и правление Ахмата Кадырова	5,4
		Участие чеченцев в Первой мировой войне (Дикая дивизия)	5,0

Таблица 3

Модальные события, вызывающие чувство стыда (5% и более)

Петербургская выборка	%	Чеченская выборка	%
Сталинские репрессии	30,8	Депортация чеченцев	45,4
Распад СССР	21,0	Война в Чечне и ее события	32,7
Октябрьская революция	14,6	Сталинские репрессии	10,0
Расстрел царской семьи	7,2	Расстрел царской семьи	8,5
Война в Афганистане	6,1	Первая кавказская война и ее события	6,4
Конфликт с Украиной	5,5	ВОВ	5,9
Чеченский конфликт	5,2	Кровавое воскресенье	5,0
Перестройка	5,0	Поджог святыни	5,0

Однако, в отличие от жителей северной столицы, жители Грозного, и это вполне понятно, из общего обозначения «репрессии» вычлениют депортацию своего народа. Показательно, что Первая кавказская война и ВОВ у чеченцев вызывают не только чувство гордости, но и негативные эмоции. Включение этих событий не только в положительный, но и в отрицательный ряд ассоциаций предположительно можно объяснить поражением горцев в Первой кавказской войне и большим числом жертв, первоначальным отступлением в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, и в этом случае национальная «картина прошлого» доминирует над общероссийской интерпретацией истории.

Каковы основные выводы этого исследования, одной из задач которого

было выяснение национально-региональной специфики интерпретации прошлого как важнейшего компонента этнической идентичности и консолидации народа?

1. Ядром этнической самоидентификации чеченцев является религия (ислам), в то время как идентичность петербуржцев русской национальности опирается примерно в равной степени на этническую и территориальную принадлежность. В обоих случаях общенациональная идентичность уступает этническому самоопределению, что свидетельствует о вторичности гражданского самосознания в системе идентичностей.

2. «Родная земля» примерно в равной мере консолидирует и чеченцев, и петербуржцев. Этот факт свидетельствует как о влиянии географического детерминизма на групповое сознание, так и традиционности мировосприятия, причем не только чеченцев, но и русских по национальности респондентов.

3. Прошлое в консолидации чеченцев играет меньшую роль, чем у петербуржцев. По-видимому, это объясняется спецификой преподавания истории в школе, которая преподносится как история государства, а не народов, его образующих. Каждый из народов России, в частности чеченский, как показало исследование, наряду с историей Российского государства, имеет и собственную историю, не во всем совпадающую с общероссийской.

4. Для участников опроса в обоих городах ядром исторического процесса как в положительном, так и отрицательном контексте являются победоносные (или проигранные) войны, что, по всей вероятности, отражает не столько специфику исторического сознания, сколько содержание школьных учебников истории. События, отражающие культурные достижения, занимают второстепенное место. Для респондентов история прежде всего — политический процесс.

5. У большинства жителей Грозного чеченский конфликт 1990-х гг. вызывает негативные эмоции. В отличие от этого события, Первая кавказская война XIX в. вызывает противоречивые чувства — не только сожаления, но и гордости. Возрождение Чечни после завершения конфликта, деятельность руководства республики воспринимается и оценивается всеми без исключения респондентами положительно.

6. Восприятие прошлого чеченцами значительно более персонифицировано, чем участниками опроса в Петербурге, что является косвенным свидетельством мифологизированности исторического сознания этого народа.

Список литературы

Блумер Г. 1994. Коллективное поведение. — *Американская социологическая мысль*. М.: Изд-во МГУ. С. 90-115.

Гриффин Л. 2010. Историческая социология, нарратив и событийно-структурный анализ. Пятнадцать лет спустя. — *Социс. Социологические исследования*. № 2. С. 17-26.

Сикевич З.В. 2014. *Этнические парадоксы глобального общества*. Praha. Nakladatelství O.Krylova. 137 с.

Сикевич З.В. 2016а. Деятели российской истории в представлениях петербуржцев. — *Власть*. № 1. С. 103-109.

Сикевич З.В. 2016б. Динамика «образа» прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев. — *Социс. Социологические исследования*. № 3. С. 88-97.

Хальбвакс М. 2005. Коллективная и историческая память. — *Неприкосновенный запас*. № 2-30. С. 8-27.

SIKEVICH Zinaida Vasil'evna, Dr.Sci.(Soc.), Professor of the Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, Saint-Petersburg, Russia, 199034; sikevich@mail.ru)

ETHNIC IDENTITY OF THE RUSSIANS AND THE CHECHENS IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY (COMPARATIVE ANALYSIS)

Abstract. The article shows that the historical memory is one of the dominant features of national unity. The core of Chechens ethnic identity is Islam, while the identity of the citizens of St. Petersburg is based equally both on the ethnic and territorial affiliation. The idea of native land equally consolidates the Chechens and the Russians. This fact is the evidence of the influence of geographical determinism in the group consciousness. The victorious wars are the core of the historical process for the survey participants in both cities: Saint Petersburg and Grozny. History is perceived here primarily as a political process. The Chechen conflict causes negative emotions among the majority of respondents in Grozny while the revival of Chechnya after the conflict, its return to the Russian political field is positively estimated by all respondents.

Keywords: ethnic identity, ethnic consolidation, historical memory, historical representation, historical event, sense of pride, sense of shame, national specifics of content of historical memory, respondent, method of content-analysis

ПОКИДА Андрей Николаевич — кандидат социологических наук, директор центра социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; pokida@rambler.ru)

ЗЫБУНОВСКАЯ Наталья Владимировна — научный сотрудник центра социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; nzyb@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования теневой экономики в российском обществе. Оценка развития теневого сектора экономики осуществлялась на основе результатов эмпирических исследований, проведенных при непосредственном участии авторов. Основную эмпирическую базу исследования составили общероссийские социологические опросы занятого населения. В статье анализируется отношение занятого населения к различным проявлениям теневой экономики, предрасположенность работающего населения к занятости без официального оформления, реальный опыт участия граждан в различных формах теневой экономики.

Ключевые слова: теневая экономика, субкультура теневого работника, занятое население, неофициальная зарплата, неофициальный рынок товаров и услуг

Теневые экономические отношения стали неотъемлемой частью функционирования российского общества. Они проявляются во всех сферах жизнедеятельности: в производстве, торговле, сфере предоставления услуг и др. Не случайно в последние годы к проблеме теневого рынка труда приковано пристальное внимание органов государственного управления. На это в настоящее время обращают внимание и первые лица государства. Так, на заседании президиума Экономического совета при Президенте РФ 25 мая 2016 г. в рамках обсуждения ключевых ориентиров экономической политики до 2025 г. и основ-